EUROBELARUS
МІЖНАРОДНЫ КАНСОРЦЫЮМ

Стурейко С.А., Водолажская Т.В., Галиновский Д.В., Кедрик Т.В.

Отчет по исследованию «Восстановление замков как культурный и социальный проект»

Стурейко С.А., Водолажская Т.В., Галиновский Д.В., Кедрик Т.В.

Отчет по исследованию
«Восстановление замков как культурный и социальный проект»

Минск, 2014

Состав основного исследовательского коллектива:

Степан Стурейко (руководитель проекта) — историк, культурный антрополог, преподаватель Европейского гуманитарного университета;

Татьяна Водолажская — кандидат социологических наук, координатор программы Летучий университет;

Дмитрий Галиновский — эксперт Агенства гуманитарных технологий;

Татьяна Кедрик — культуролог, преподаватель Белорусского национального технического университета.

Неоценимую помощь в реализации исследования оказали:

Нелли Дорошкевич, Янина Королевич-Картель, Алексей Ластовский, Елена Летун, Алина Радачинская, Игорь Раханский, Роман Ярош.

Также выражаем признательность всем экспертам, информантам и активистам, помогавшим с организацией экспедиций!

Исследование выполнено при поддержке
международного консорциума «ЕвроБеларусь»

www.eurobelarus.info

Содержание

Введение

Беларусь часто называют «страной замков», хотя точнее было бы ее называть страной «остатков» замков. Большинство из них находятся в руинах. Что следует видеть в этих руинах? Как к ним относиться? Лежащих в сугубо интеллектуальной плоскости ответов на данные вопросы может быть довольно много. Один из важных ответов дало и белорусское государство, утвердившее постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 января 2011 г. государственную программу «Замки Беларуси». Новостные сообщения СМИ об этом событии[1] в большинстве случаев презентовали программу (по сути инвестиционный план) в качестве эффективного управленческого хода, решающего проблему исчезающего национального достояния.

Программа в самом деле выглядит амбициозно. Она охватывает 14 остатков замков разной степени сохранности, а также 19 объектов археологии. И работа пошла! Руины замков на самом деле начали меняться. При этом качество и интенсивность мероприятий, выполняющихся в рамках реализации данной программы, вызывают обоснованную критику экспертного сообщества. Фактически каждый «замковый» проект сопровождается чередой скандалов[2].

Все эти споры, а значит чрезвычайное внимание общественности с одной стороны, и одновременно масштабность заявленных преобразований, количество задействованных материальных и интеллектуальных ресурсов с другой делают данный проект интереснейшим и, главное, очень удобным объектом для исследования. Поскольку выполнение программы рассчитано на 2012—2018 гг., в конце 2014 г. кажется уместным подвести ее промежуточные итоги.

---

[1] Совмин утвердил госпрограмму «Замки Беларуси» на 2012-2018 годы // http://www.belta.by/ru/all_news/culture/Sovmin-utverdil-gosprogrammu-Zamki-Belarusi-na-2012-2018-gody_i_585969.html (10.01.2012); Беницевич Н. Какие замки Беларуси получили право на новую жизнь? // http://news.tut.by/society/281794.html (30.03.2012); Борис Светлов: программа «Замки Беларуси» станет приоритетной // http://antrakt.by/news/all-news/boris-svetlov-programma-zamki-belarusi-stanet-prioritetnoj (17.02.2013); На восстановление замков Беларуси в 2013 году потратят 4,1 млн долларов // http://realt.onliner.by/2013/03/09/castles_belarus (09.03.2013) и др.

[2] Лидский замок: самая плохая реставрация в мире // http://vandrouka.by/2012/lidskiy-zamok-samaya-plohaya-restavratsiya-v-mire (29.09.2012); Хилько К. Специалисты позитивно оценили реставрацию Костельной башни Новогрудского замка? // http://nn.by/?c=ar&i=138183&lang=ru (04.11.2014); Кузнеченкова Т. Старый замок отреставрируют и вернут во времена Стефана Батория // http://grodnonews.by/ru/0/20274/news (29.08.2014) и др.

Говоря о реставрации замков, необходимо уточнить три основных плана исследовательского внимания:

- Методика реставрации/консервации объектов. Сразу оговоримся, что данный план относится в большей степени к сфере профессиональной компетенции реставраторов. На эту тему существует достаточное количество узкоспециальных методических разработок, поэтому в представляемом исследовании она не является основной (что, впрочем, не отменяет того, что, говоря о реставрации, невозможно не говорить о том, как именно реставрировать).
- Управление сферой охраны и реставрации историко-культурного наследия (ИКН). Здесь не до конца ясной остается идейная основа принятого документа, его смысловые цели, источники легитимности и механизмы осуществления.
- Социальный план. Любой современный реставрационный проект обязательно должен содержать в себе не только архитектурно-строительную, но и социальную части. Поскольку в большинстве проектов, реализуемых в Беларуси, данная часть неочевидна, мы решили определить граничные условия и оценить предпосылки для активации социальной части реставрационных проектов в белорусских городах.

Поскольку именно третий план стал центральным, он требует некоторых пояснений. Исходя из современных положений теории архитектурного наследия, изложенных в таких международных документах, как Принципы Валлетты (2011)[3], Конвенция Фаро (2005)[4] и другие, замки могут восприниматься в качестве стержневых элементов белорусского культурного ландшафта во всем многообразии его материальных и нематериальных проявлений. Замки — не изолированные объекты наследия. Они непременно функционируют в контексте бесконечного многообразия социальных связей — как в историческом разрезе, так и в горизонтальном современном плане. Принятие оптимальных управленческих решений на территориях, обладающих подобными культурными объектами, требует глубокого исследования этих связей.

Таким образом, целями исследовательского проекта стали:

- Текущий мониторинг реализации государственной программы «Замки Беларуси» с точки зрения социокультурного развития «замковых» населенных пунктов;
- Оценка предпосылок и определение условий для активизации социальной части замковых реставрационных проектов.

Исследование состояло из трех важнейших элементов: анализа информационного поля по поводу реставрации замков; интервью с основными акторами реставрации — архитекторами и научными руководителями объектов; экспедиций в «замковые» населенные пункты.

[3] Принципы Валлетты по сохранению и управлению историческими городами и урбанизированными территориями // www.icomos.org/charters/RUSS_Valletta_principles.pdf.

[4] Рамочная конвенция Совета Европы о важности культурного наследия для общества // http://conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/199.htm.

Поскольку для достижения целей исследования и особенно для разработки основного «социального» плана наиболее важными были именно экспедиции, методику их проведения следует оговорить подробнее. Всего было проведено 5 двухдневных экспедиций, в рамках которых были охвачены Гольшаны, Крево, Быхов, Смоляны, Новогрудок, Любча, Каменец и Ружаны. В тексте отчета большинство примеров будут относиться именно к этим замкам. Во время экспедиций исследователи стремились встретиться с представителями местной исполнительной власти (как правило, это сотрудники отделов культуры райисполкомов), а также с как можно большим количеством «небезразличного меньшинства». Нас интересовали люди с активной гражданской позицией в отношении замков и местного культурного наследия в целом: бизнесмены, журналисты, краеведы, активисты неправительственных организаций и неформальных общественных инициатив. В ходе экспедиций исследователи стремились выяснить следующие вопросы:

1. Степень вовлечения местных жителей в функционирование замка, участия в его судьбе, заинтересованности в таком участии, определение наличия сообществ и их позиций по отношению к замку, характер взаимодействия сообществ и активистов с администрацией .
2. Позицию местной администрации в отношении замка и связанных с ним сообществ, приоритетность реставрационных проектов перед иными, перспективы социально-экономического развития населенного пункта/региона.
3. Ментальный образ замка в сознании местных жителей (представление о его роли в прошлом и настоящем населенного пункта и региона, связь личных жизненных стратегий с замком или развитием туризма в целом), их представления о стратегиях реновации замка и окружающего культурного ландшафта, мнение жителей о произошедших/происходящих/планируемых изменениях.
4. Влияние местных сообществ на трансформацию наследия, а также конфликты, возникающие в ходе реконструкции — связанные и не связанные с наследием.

Каждый из этих вопросов был реконцептуализирован и нашел свое отражение в специально разработанном опросном листе (см. Приложение).

Центральный фасад Ружанского дворца сильно контрастирует с восстановленной въездной группой

Фрески на стенах домов в Быхове – популярный прием эстетизации городского пространства в Беларуси

Фахверк в Любче

Эмпирические данные о реставрации замков

В первую очередь следует очертить собранные эмпирические данные о ходе и обстоятельствах реализации государственной программы. Для удобства сведем их в обзорную таблицу, объединяющую ход реставрации с социальным планом населенного пункта, воспользовавшись при этом разработкой британских исследователей Эндрю Хогса и Стива Уотсона[5]. Согласно их выводам, факторы успеха/неуспеха локальных реставрационных проектов могут быть разделены на:

1) относящиеся к качеству сообщества[6] как такового (наличие критической массы заинтересованных жителей, существующие общественные организации, социально-демографические характеристики, собственность);
2) характеризующие степень самоорганизации сообщества (наличие лидеров, организационные способности и ресурсы, выраженный общественный интерес к наследию, включение максимального количества жителей, наличие «активатора»);
3) характеризующие место (законченность и ясная читаемость образа культурного ландшафта, наличие сплачивающих сообщество угроз наследию).

В представленную сводную таблицу не вошел ряд включенных в программу «Замки Беларуси» объектов. Это парк с остатками стены замка Вишневецких в поселке Тельман (Брагинский район) и остатки замка в д. Геранёны (Ивьевский район). Данные объекты в программе занимают весьма скромное место, объем работ и финансирования по ним ограничены (25 и 10 млн рублей соответственно). Также исследовательский коллектив сознательно отказался на самом первом этапе от изучения замкового комплекса «Мир» и дворцово-паркового ансамбля в Несвиже как крайне нетипичных, отдельно стоящих случаев масштабной реновации. Кроме того, реставрационные работы на этих двух объектах подошли к концу и теперь они функционируют в контексте общенациональной культурной жизни, что полностью затмевает их локальную роль. Наконец, в таблицу не вошли замки и замчища, представляющие скорее археологический интерес, главным образом ввиду незначительности предполагаемых преобразований.

[5] Hodges A., Watson S. Community-based Heritage Management: a case study and agenda for research // International Journal of Heritage Studies. Vol. 6. 2000. No. 3. P. 231—243.

[6] Говоря о местных сообществах, мы будем рассматривать их как объединения людей, связанных не просто проживанием на одной территории и хорошими человеческими отношениями, но прежде всего как объединения, которые имеют волю и возможность для самостоятельного решения основных вопросов организации и обустройства своей жизни. То есть мы будем рассматривать местные сообщества в первую очередь как самоорганизующиеся объединения людей. Поэтому проживание на одной территории и отношения между людьми являются только условием, но не главной характеристикой местных сообществ. Подробнее аргументацию данного подхода гл.: Водолажская Т., Мацкевич В. Становление и развитие сообществ. Минск, 2013.

Название замка	Запланированная реставрационная/ консервационная активность[7]	Реальный ход реализации	Характеристика населенного пункта	Характеристика культурного ландшафта, использование замковой территории[8]	Наличие и степень активности сообществ	Характеристика изменений в жизни населенного пункта
Руины бывшего замка Сапеги (Гольшаны)	Консервация остатков стен, организация их экспонирования, 2012—2015 гг.	Проведены археологические раскопки, выполнено первичное благоустройство территории, разрабатывается концепция экспонирования руин.	Агрогородок в Ошмянском районе, население 1075 чел. (в 1970 г. — 1745 чел.), помимо сельскохозяйственного СПК другие крупные предприятия отсутствуют.	19 ценных объектов недвижимого ИКН, выраженная полиэтничность и поликонфессиональность наследия. Территория замка предназначена для туристов (есть точка продажи сувениров), используется горожанами для прогулок. В последнее время при замке организуются росписи новобрачных, ежегодный рыцарский фестиваль.	Существует фонд «Гольшанский замок», деятельность которого туманна. Местные бизнесмены, ориентированные на обслуживание туристов, поддерживают партнерские отношения.	Ввиду закрытия музея поток экскурсантов с 2008 г. ослаб. Реновация замка пока не приносит ощутимых изменений, однако жители связывают с ней надежды на возрождение былого потока.
Фрагменты замка (Крево)	Консервация оборонительных стен, реконструкция северной башни с размещением музейной экспозиции, 2012—2015 гг.	Продолжены археологические раскопки.	Агрогородок в Сморгонском районе, население 726 чел. (в 1972 г. — 1155, в 1909 г. — 2,3 тыс. чел.), помимо сельскохозяйственного СПК другие крупные предприятия отсутствуют.	16 ценных объектов недвижимого ИКН, находящихся на некотором удалении друг от друга. Территория замка — место для выпаса лошадей. Подъезды оборудованы, однако никакой туристической инфраструктуры нет. В последние годы организуются ремесленные ярмарки. В отсутствие экскурсантов довольно пустынно.	Пытается осуществлять деятельность фонд «Кревский замок», что не всегда находит отклик у местной администрации, ежегодно приезжают много студентов-волонтеров. Местное население скорее пассивно, выгоды от развития туризма не ощущает.	Изменений не происходит.

[7] Мерапрыемствы Дзяржаўнай праграмы «Замкі Беларусі» на 2012—2018 гады. Дадатак 1 да Дзяржаўнай праграмы «Замкі Беларусі» на 2012—2018 гады // http://www.government.by/upload/docs/file2a077db17a6a598f.PDF.

[8] При определении количества ценных объектов наряду с личными впечатлениями исследователей использовались данные сайта globus.tut.by, как наиболее полного на сегодня «каталога» историко-культурного наследия Беларуси.

Фрагменты замка (Быхов)	Консервация построек (при наличии внебюджетных инвестиций возможна реставрация с реконструкцией и приспособлением), 2012—2015 гг.	Выполнена часть археологических раскопок, благоустроена территория вокруг замка (ко Дню белорусской письменности 2013 г.), замок закрыт баннерами с исторической информацией, две отдельно стоящие угловые башни в процессе реконструкции.	Город, районный центр, население 16100 чел. (в 1970 г. — 17371 чел., в 1904 г. — 7270), имеются предприятия пищевой и деревообрабатывающей промышленности.	16 ценных объектов недвижимого ИКН, рассеяны преимущественно вдоль двух протяженных улиц, не создают впечатления исторического места. Наиболее оживленные улицы за пределами исторического центра. Территория вокруг замка благоустроена, используется для проведения экскурсий, к замку подъезжают новобрачные. Территория довольно пустынна.	Действует еврейская община (конкретные формы активности неопределенны), на общественных началах издавалась газета «Стары Замак». Активисты партии БНФ предпринимают ограниченные действия, направленные на актуализацию быховского наследия.	Реставрация замка видится жителям в очень далекой перспективе, никаких изменений в связи с первым ее этапом в городе не произошло. Замок стал просто одним из объектов, «благоустроенных» к Дню белорусской письменности.
Руины замка «Белый Ковель» (Смоляны)	Консервация остатков укреплений, благоустройство территории, 2015—2016 гг.	Ничего не происходит.	Деревня в Оршанском районе, население — 593 чел. (1880 г. — 2315 чел.), работает аграрный колледж, помимо сельскохозяйственного СПК другие крупные предприятия отсутствуют.	16 ценных объектов недвижимого ИКН, все основные — в руинах либо с налетом запустения. Тем не менее, исторический центр производит впечатление целостности, без примеси инородных включений. Территория замка используется местной молодежью для «отдыха». Обычно пустынна и не благоустроена. Подходы весьма ограничены.	Действует неформальное объединение верующих местной церкви, ослабленное гибелью настоятеля о. Александра. Пытаются актуализировать вопросы сохранения местного наследия.	Изменений не происходит.

Остатки замка (Новогрудок)	Консервация руин с частичной реконструкцией башни «Щитовка», 2012—2015 гг.	Проведена консервация с частичной реконструкцией башни «Щитовка».	Город, районный центр, население — 30 800 чел. (1974 г. — 21 тыс., 1910 г. — 8414 чел.), работают 2 колледжа, 11 основных промышленных организаций.	Не менее 36 ценных объектов недвижимого ИКН. Город высокой плотности исторической застройки, производит целостное впечатление. Территория вокруг замка благоустроена, всегда заполнена гуляющими туристами/местными жителями. Организуется рыцарский фестиваль.	Довольно развиты формы деловой активности, связанные с обслуживанием туристов. Действует сообщество Товарищества белорусского языка. Культурная жизнь города относительно насыщена безотносительно замка. В обсуждении охраны и актуализации наследия замок также не на первом месте.	Ввиду большой общей туристической привлекательности города текущая реставрация замка практически не влияет на его жизнь ни в плане экономики, ни в плане культуры.
Фрагменты замка (Любча)	Реставрация, 2012—2018 гг.	Введена в строй одна из башен, реконструирована «оборонительная стена» замка, установлен «ренессансный» купол на вторую башню.	Городской поселок в Новогрудском районе, население — 1300 чел. (1996 г. — 1628 чел., 1909 г. — 1,6 тыс. чел.), помимо сельскохозяйственного СПК другие крупные предприятия отсутствуют.	16 ценных объектов недвижимого ИКН, однако единственная по-настоящему основная привлекательная точка — замок. Территория замка неблагоустроена, строительные работы в процессе. Периодически появляются экскурсанты.	Фонд «Любчанский замок» объединяет нескольких местных жителей, принимающих деятельностное участие в восстановлении замка. Все формы активности держатся на организационной воле руководителя И. Печинского. Ежегодно организуются волонтерские лагеря.	Несмотря на то, что никакой туристической инфраструктуры так и не появилось, процесс реставрации привлек внимание к населенному пункту. Замок вызывает гордость.

Каменецкая башня (Каменец)	Замена покрытия крыши, плановый ремонт, 2012 г.	Территория вокруг замка благоустроена перед Днем белорусской письменности 2005 г.	Город, районный центр, население — 8425 чел. (1972 г. — 5,1 тыс., 1897 г. — 4,6 тыс.), предприятия пищевой и полимерной промышленности.	13 ценных объектов недвижимого ИКН. Город не производит впечатления исторического. Ландшафт довольно разреженный. Наиболее оживленные улицы за пределами исторического центра. Территория вокруг башни благоустроена, продаются сувениры, действует музей. Много организованных посещений, однако инфраструктура приема не налажена. Башня находится в непосредственной близости от 2-х школ, так что все школьные мероприятия проводятся возле нее.	Существует ряд творческих сообществ, однако их деятельность никак не связана с башней. Вообще не удалось идентифицировать общественной активности в связи с реновацией объекта. Есть лишь индивидуальные усилия активистов по популяризации наследия Каменца.	С момента последнего обновления музейной экспозиции в 2005 г. ничего не меняется. Количество туристов и отсутствие отеля провоцирует на открытие агроусадеб, однако определить, связано ли это с башней или близостью Беловежской пущи, затруднительно.
Остатки бывшего дворцового комплекса (Ружаны)	Реставрация и приспособление восточного корпуса, 2013—2018 гг.	Реконструированы и приспособлены под музей оба въездных флигеля, отреставрирована брама дворца, ведутся работы на восточном корпусе.	Городской поселок в Пружанском районе, население — 3153 чел. (1959 г. — 2875 чел., 1897 г. — 5016 чел.), предприятия деревообрабатывающей, пищевой и топливной промышленности.	17 ценных объектов недвижимого ИКН. В целом в городе есть несколько точек притяжения, дворец Сапег при этом несколько удален от городского центра. Территория дворца благоустроена, довольно много экскурсантов, действует музей, проводятся культурные мероприятия.	Не удалось идентифицировать общественной активности в связи с реновацией объекта. Есть лишь индивидуальные усилия по популяризации наследия Ружан. На замке группа детей устраивает для приезжих псевдоэкскурсии.	Несмотря на то, что дворец и ранее привлекал большое количество экскурсантов, в ходе реновации их количество увеличилось. При этом необходимая туристическая инфраструктура еще в стадии становления.

Комплекс Старого замка (Гродно)	Консервация и реставрация исторических построек, реконструкция комплекса с приспособлением под Учреждение культуры «Гродненский государственный историко-археологический музей», 2013—2018 гг.	Разрабатывается проект реконструкции.	Город, областной центр, население — 357 878 чел. (1965 г. — 98 тыс., 1913 г. — 63 тыс. чел), работают 4 вуза, 5 учреждений специального образования, развитая промышленность.	Культурный ландшафт беспрецедентной для Беларуси насыщенности, при этом замок, несмотря на крайне непрезентабельный вид, продолжает играть в нем роль одной из доминант. Объект музеефицирован с 1930-х гг., тем не менее его роль в повседневной культурной жизни города ограничена.	В городе масса общественных инициатив, связанных с актуализацией и популяризацией архитектурного наследия, однако их формы активности лишь в незначительной степени касаются самого замка. Замок «теряется» на фоне относительно насыщенной культурной жизни города.	Изменений не происходит.
Замок (Лида)	Реставрация, реконструкция, 2012—2014 гг.	После «скорой» реконструкции и благоустройства к «Дожинкам» 2010 г. продолжается строительство административных корпусов во внутреннем дворе. Большая часть замка так и не введена в оборот.	Город, районный центр, население — 99 928 чел. (1972 г. — 50 тыс. чел., 1897 г. — 8626 чел.), работают 2 профессионально-технических училища, 33 промышленных предприятия.	Не менее 30 ценных объектов недвижимого ИКН. Вместе с тем город не производит впечатления исторического. Объекты удалены друг от друга, оттенены диссонирующей застройкой. Территория вокруг замка благоустроена, действует музей, однако строительные работы не завершены. Внутри замка проводятся культурные мероприятия, рыцарские фестивали. Вообще в замке много специально оборудованных мест для групповых форм активности.	Существует неформальное сообщество местных краеведов, действует объединение Товарищества белорусского языка, формы активности которого включают сохранение и актуализацию лидского наследия.	После проведения Дожинок—2010 изменений не происходит.

Анализируя полученную совокупность информации, нельзя не заметить, что уже сами «официальные» названия замков и перечни запланированных работ говорят о конструируемом образе замков, а также о различиях в методике реставрации. Чаще всего речь идет о консервации, во вторую очередь — о реконструкции и реставрации. Вместе с тем, во всех случаях, за исключением Смолян, предполагается создание музея либо музеефицированной среды (Гольшаны) непосредственно в самом объекте.

Большинство замковых объектов располагается в кризисных населенных пунктах. В пяти из них — Гольшанах, Креве, Смолянах, Любче, Ружанах — в течение второй половины XX в. наблюдается устойчивый отток населения, в Быхове численность населения относительно стабильна. В то же время Гродно, Лида, Новогрудок и Каменец пережили существенный приток населения, многократно увеличивший число горожан. Разница в социально-экономическом развитии ставит вопрос об оправданности одинакового инвестирования государственных средств в масштабные реставрационные работы в разных городах. Данный вопрос имеет несколько ответов с точки зрения управления развитием территорий, определения приоритетов экономического развития и т. д. Например, объекты в стагнирующих городах могут быть объединены в своеобразные историко-культурные кластеры (Крево—Гольшаны, Любча—Новогрудок, Смоляны—Орша, Ружаны—Пружаны—Каменец). Одновременно при определении приоритетов инвестирования в регион упор должен делаться на развитие туризма. В противном случае дорогостоящие вложения в объекты не имеют смысла.

Однако на самом деле работа, проводимая в проектных мастерских и собственно на замках, не вполне соответствует цели программы, которая заявлена как «создание благоприятных условий для сохранения, восстановления и рационального использования объектов историко-культурного наследия, развития внутреннего и въездного туризма»[7].

Вот, к примеру, ожидаемые от программы результаты:

- Возрождение и сохранение культурного и духовного наследия Республики Беларусь;
- Укрепление престижа страны в международном сообществе;
- Включение историко-культурных ценностей, принадлежащих оборонительному зодчеству, в сферу современной культурной и экономической жизни;
- Создание дополнительных рабочих мест с учетом нового функционального предназначения объектов историко-культурного наследия, в том числе через создание привлекательной придорожной инфраструктуры туризма;
- Расширение разнообразия и географии туристических маршрутов, что будет способствовать притоку в страну иностранных туристов;
- Значительные поступления в бюджет, в том числе валютные, прежде всего за счет реализации туристических услуг.

Как видно, сам перечень работ, предусмотренных программой, не соответствует ее цели. Сама же программа «Замки Беларуси» не предусматривает ничего, помимо собственно порядка проектных и строительных мероприятий.

[7] Дзяржаўная праграма «Замкі Беларусі» на 2012—2018 гады // http://www.government.by/upload/docs/file23575465375177af.PDF.

Объяснение этому простое: программа во многом является объединением других — национальных и региональных — госпрограмм, направленных на возрождение историко-культурного наследия. Некоторые их этих программ берут исток из романтических представлений о возрождении архитектурного наследия конца 1980-х — начала 1990-х гг. Вот откуда в документе присутствует устойчивый возрожденческий дискурс, а не дискурс устойчивого развития, декларируемый в самой цели программы.

Очевидно, что и «развитие внутреннего и въездного туризма» воспринимается создателями программы не как инструмент для «создания благоприятных условий», а скорее как обязательная сегодня опция, часть экономического обоснования государственного инвестирования.

Таким образом, происходит подмена истинных целей реставрации, лежащих обычно в социальной и культурной сферах, обоснованием для строительных форм активности. Программа не формулирует никаких «идеальных представлений» о целях и социальном аспекте реставрации. «Социальные эффекты» по сути отсутствуют как в части обоснования, так и в части реализации, предполагаются как возникающие сами собой. Забыли ли о них составители программы, на знали ли или просто разуверились в возможности их достижения? Ответ на этот вопрос могло бы дать отдельное исследование современного образа действия государственного управленческого аппарата. Однако очевидно, что такие «идеальные представления» о социальных эффектах следует сформулировать, задать и распространить.

Одной из проблем реализации программы также видится ее несбалансированность. Это касается соотношения расходуемых средств на восстановление/консервацию/экспозицию различных объектов (где-то миллиарды, а где-то лишь десятки миллионов рублей), а также «географическая несправедливость». Большая часть финансовой ответственности лежит на бюджете Гродненской области (региона с наибольшей концентрацией замков). Затраты Гродненской области на реставрацию замков превышают расходы других вместе взятых областных бюджетов более чем в 4,5 раза (52742 против 11234 млн руб.).

Однако даже Гродненскую область обгоняет Минский горисполком, обязательства которого еще выше — 62573 млн руб. Почти все они предназначены на музеефикацию и воссоздание Минского замчища (проект которого получил весьма неоднозначную оценку общественности[8]). Данная диспропорция уже была предметом обсуждения внутри экспертного сообщества[9].

[8] Гісторыкі патрабуюць грамадскіх слуханняў па аднаўленні Мінскага замчышча // http://euroradio.fm/report/gistoryki-patrabuyuts-gramadskikh-slukhannyaw-pa-adnawlenni-minskaga-zamchyshcha-73468 (15.11.2011).

[9] Катлавічанка П. Астаповіч: Праграма па рэстаўрацыі замкаў — гэта проста засваенне грошаў // http://eurobelarus.info/news/society/2012/02/14/Astapovicz-Prahrama-pa-restauracyi-zamkau-heta-prosta-zasvajennie-hroszau.html (14.02.2012).

Усилия реставраторов в Любче видны невооруженным глазом. Все работы сделаны силами волонтеров

Территория вокруг Быховского замка пустынна

Каменецкая башня, как и другие белорусские замки, посещается в основном организованными группами туристов

Анализ социальных и культурных процессов в связи с реставрацией замков

Вторая аналитическая часть отчета, в соответствии с основными заявленными во введении принципами исследования, будет посвящена социальному плану восстановления замков. Именно исходя из этих данных могут быть сформулированы основные «идеальные цели» государственного финансирования, о недостатке которых было сказано выше.

Таким образом, после проведения серии экспедиций и консультаций с реставраторами, местными активистами, чиновниками и экстерриториальными экспертами, можно выделить следующие основные проблемные аспекты обеспечения социальной части реставрационных проектов.

Руина замка в Смолянах грозит обвалиться

Смоляны богаты на живописные руины

До сих пор некоторые руины в Смолянах используются как источник стройматериалов

Функции замков, перспективы привлечения местных жителей к использованию объектов

Стратегии использования объекта могут быть самыми различными — как активными (открытие кафе при замке), так и пассивными (вечерние прогулки вокруг живописных руин). Исследователей интересовали прежде всего степень интеграции объекта в городскую жизнь, а также количество местных жителей, пассивно и активно использующих замки.

Если попытаться обобщить наблюдения, то замки можно разделить на «старые руины», «недавно обретенные» и «старые музеи».

Для «старых руин» — Гольшаны, Крево, Смоляны, Новогрудок — характерно центральное (либо одно из центральных) положение в системе культурного ландшафта города.

Например, количество людей и целых организаций, так или иначе связанных с замком, в Гольшанах сравнительно велико: ЗАГС (осуществляет роспись молодых прямо у замка), местные либо ошмянские артисты (иногда устраивают в замке театрализованные представления для экскурсантов, а также рыцарский фестиваль), работники сферы культуры всего района (их мобилизует отдел культуры и устраивает на замке субботники), местная молодежь (любит проводить летние вечера на замке, разжигает костры, оставляет надписи на стенах), дети, занимающиеся в местной школе (также задействованы в уборке замковой территории, рисуют руины и т.д.), местный бизнесмен (продает сувениры туристам). Вместе с тем, в Гольшанах вход на фестиваль платный даже для местного населения (75 тыс., неудачная практика последнего года), что автоматически отчуждает местных жителей.

Напротив, в Крево категорий заинтересованных лиц значительно меньше. Фактически последние два года Кревский замок никого не привлекает. Даже фестиваль ремесленников проводится за пределами замковой территории (объект опасен). Жители окрестных домов иногда заводят во внутренний периметр замка лошадей для выпаса. Внутренняя территория выглядит пустынно. Тем не менее, замок расположен буквально в центре Крево, окружающая его территория — отличное место для прогулок мам с колясками, непосредственно напротив замка расположен костел.

Следует отметить, что «Кревский замок» как историко-культурное наследие национального и европейского масштаба по своему содержанию явно не совпадает в «замком» как частью повседневной культуры и жизни кревчан. Очевидно, что «замок» — важная часть социального и культурного ландшафта Крево. С ним связаны привычки, воспоминания, туда ходят (в последнее время меньше) выпить или пасут коров. Есть какие-то легенды и передающиеся «воспоминания» про «круля Ягелло».

Руина Смолян редко посещается. Окружающая ее территория заросла травой и кустарником, подходы к ней не благоустроены. Видны лишь две едва протоптанные тропинки. Рядом с замком кострище, а на самих руинах — граффити разных лет. Охранная табличка была, но отвалилась и на момент экспедиции (август 2014 г.) утеряна.

В Новогрудке замок — центральная туристическая аттракция, поэтому использование его весьма интенсивное, однако одностороннее-туристическое (как место для осмотра приезжими и местными). Вечером замковая территория затемнена, хотя во-

круг самого холма активно гуляет молодежь. В перспективе планируется реконструкция одной из башен с созданием внутри музея. Это может привести к попыткам взимания платы за посещение замковой территории, что исключит замок из практик ежедневного использования новогрудчан, как это уже произошло в Лиде.

Использование дворца Сапег в Ружанах предполагает те же самые режимы, что и применительно ко всем другим подобным объектам в стране (свадьбы, посещение музея, прогулки, рыцарский фестиваль «Ружанская брама»). Фестиваль, который проводится последние несколько лет, является привозным мероприятием. Территория дворца пересекается тропинками для местного населения. Рядом с объектом — футбольный стадион (для дворовых команд), несколько жилых домов располагаются непосредственно на территории или вблизи дворца.

Своеобразным образом все замковые руины вписаны в повседневную жизнь как место приезда «чужих» — ученые, экспедиции, иностранцы, летние волонтерские лагеря, туристы.

Вторая группа объектов — «недавно обретенные» — это Быхов и Любча. Для них характерна гораздо более четкая артикуляция замковой, культурной составляющей, жители еще не научились «не замечать их», объекты еще не вошли в городскую повседневность в качестве «незаметной» местной достопримечательности, как это происходит с «традиционными руинами».

Так, Быховский замок представляет собой сравнительно недавно покинутый объект. На протяжении всего советского времени и даже в начале XXI в. замок выполнял роль индустриального объекта, в нем размещалось предприятие деревообрабатывающей промышленности). Местные историки из музея, а также интересующиеся граждане осознавали его значимость в качестве культурного объекта, однако фактически доминировало его хозяйственное значение. Территория, прилегающая к замку, была огорожена, заставлена хозпостройками и различными материалами. Замок был исключен из культурной жизни города. Даже охранная табличка на замок хранилась в кабинете директора предприятия («не вешали, так как боялись, что украдут»). Даже сейчас место замка в городском пространстве — периферийное. Возле него редко можно увидеть жителей. Во время экспедиции (лето, будний день) удалось заметить считанных интересующихся замком (лишь две микрогруппы «туристов» за два дня). Правда, благодаря благоустройству теперь замок более активно посещается свадебными кортежами (на его фоне фотографируются молодые). Во время экспедиции не было зафиксировано ни одной попытки извлечения прибыли из замка. Последний, кто пытался это сделать — предприниматель Сапега, который вновь попытался наладить там деревообрабатывающее производство (функция, не связанная с культурным значением замка). Сейчас здание самого замка аварийное, вход в него опасен для жизни.

Потенциальное использование замка в глазах местных жителей лишено экономического смысла. «Замок — это наша история и культура», поэтому его использование должно быть связано лишь с культурной функцией. В перспективе в замок планируется перенести Быховский музей и районную библиотеку (несмотря на то, что для библиотеки отремонтировали помещение в Центре культуры, а для музея сейчас ремонтируется помещение в здании бывшей мужской гимназии XIX в.). Похоже, что, ремонтируя данные помещения, местная администрация сама не верит в скорое восстановление замка (перспективы его туманны, в 2014 г. даже не были продолжены археологические иссле-

дования). Вообще опрошенные быховчане настроены скептически: эффект от средств, выделяемых на подготовку проектной документации, не очевиден, они бы предпочли видеть пусть малые, но незамедлительные продвижения в реставрации.

Любчанский замок до начала реставрации также был на периферии городской жизни и безусловно нуждался в актуализации. В советское время его две башни представляли собой неиспользуемые руины. Пространство замка было пространством школы и школьного двора, это и было его единственной функцией. Сейчас же оно воспринимается именно как замковое, является местом встреч, импровизированных экскурсий для гостей, сюда приезжают свадьбы.

Третья группа объектов — «традиционные музеи» — объекты, которые имеют четко определенную культурную функцию, не предполагают возможностей для «освоения» и «подключения», для разработки собственных альтернативных и спонтанных сценариев использования. По сути они не представляют для местных жителей большого интереса.

Территория вокруг Каменецкой башни — исторический центр — выглядит стерильной и в отсутствие туристов пустынной. Несмотря на то, что к традиционному посещению музея в башне добавились росписи свадеб и торжественные школьные линейки (рядом с башней школа и гимназия), вечером в данной части города практически замирает жизнь. Рядом с башней всего две скамейки. Контрастно более оживленными кажутся районы панельной застройки Каменца, где выше плотность населения. Центр, таким образом, не является притягательным местом для развития бизнеса (меньше кафе и магазинов). Похожий феномен был зафиксирован и в Быхове.

Два года подряд проводился рыцарский фестиваль с выставкой-продажей ремесленных товаров, однако в самом городе ни рыцарского клуба, ни ремесленников нет (хотя есть маленький бизнес по производству сувениров).

Как и в Каменце, гродненский Старый замок — это всего лишь один из городских музеев с неплохим видом на Нёман. Замок в Лиде лишь недавно был окончательно превращен в музей и закрыт от местных жителей (взимается плата за вход на территорию музея).

Теоретически наделение замковых объектов музейной функцией, регламентирование их восприятия горожанами в качестве таковых и ограничение сценариев использования должно компенсироваться активной деятельностью музеев в качестве культурных, образовательных и даже общественных центров. Однако наши белорусские музеи такой работы со взрослыми горожанами не ведут.

Анализируя материалы интервью с местными жителями, а также экстерриториальными экспертами, можно констатировать наличие двух генеральных тенденций:

Во-первых, тенденция музеефикации белорусских замков, вне зависимости от того, «традиционная» это руина или «недавно обретенный» объект. При этом существует опасность, что реализуемые в данный момент реставрационные проекты как в Любче, так и в Новогрудке на самом деле приведут к изъятию территории замков из городской среды, а вход на их территорию станет платным.

Во-вторых, закрепление за объектом статуса наследия скорее мешает его сохранению, так как к сохранению предъявляются требования, экономически необоснованные. Также к таким объектам должно быть применено весьма сложное законодатель-

ство. Кроме того, «престиж» памятника ограничивает его утилитарное использование. Здание выводится в сферу культурного, сакрального, во что необходимо вкладывать деньги без отдачи, а следовательно, это делается весьма неохотно.

Зафиксированные в экспедициях сценарии использования замков весьма разнообразны. От замка к замку степень его включенности в повседневные практики горожан/сельчан варьируется. Реставрационные проекты должны не сводить данные сценарии к минимуму, а скорее расширять возможности для местных жителей.

Лошади рядом с Кревским замком

Руины Гольшанского замка в ожидании консервации и экспозиции

Местный бизнес – продажа сувениров около Гольшанского замка

Забитая парковка и сувенирные лавки возле Мирского замка

Отношение жителей к реставрационным методикам и распространение тенденций охраны культурного ландшафта

Одна из центральных тем, обсуждаемых в популярных белорусских СМИ — это качество реставрационных работ и их соответствие научной методике, принципам зарубежной реставрации и т.д. Все эти темы служат плодотворным полем для деятельности экстерриториальных экспертов. На локальном уровне методика реставрации отдается полностью в сферу компетенции «специалистов-реставраторов». Практически никто из местных информантов не пытался оспорить идеи архитекторов, ссылаясь на собственную некомпетентность.

Судя по всему, сама суть реставрационного проекта, его методология и идеология никаким образом не влияет на возможности социальных преобразований в населенном пункте. Разрушают ли его, консервируют либо восстанавливают — для реализации социального потенциала проекта (если такой вообще имеет место) это не имеет значения.

Жители Крево и Гольшан, высказываясь относительно ожиданий от реставрации, высказывают пожелание, чтобы итог был «как в Мирском замке». Правда, тут же оговариваются, что есть сильные сомнения в возможности целостного восстановления объекта.

В Смолянах хорошей стратегией местные жители считают расчистку и консервацию руин «Белого Ковеля», в идеале — также полное восстановление, но и им оно видится мало реалистичным.

Конечная цель и итог реставрации Любчанского замка до сих пор не ясны даже самым активным ее участникам среди любчанцев. Единственное, что они знают точно — памятник благодаря их действиям будет «сохранен и восстановлен», а будет ли там некий туристический центр, музей или что-то еще — неясно. Получается, что для них более важен процесс и та самая коммуникация вокруг него, вывод Любчи на национальный уровень, приезды волонтеров и т.д., нежели научность реставрации.

Цель реставрации Новогрудского замка — консервация с частичным восстановлением и созданием музея в одной из башен, при этом мнение музейных сотрудников на этот счет учитывалось не более чем как консультативное. Проектов по оформлению новой экспозиции в башне музейщики в настоящее время не разрабатывают.

Ввиду того, что реконструкция Ружанского дворца прогрессирует, мнения опрошенных экспертов по поводу приоритетов реставрации разделились. Некоторые считают, что начать следовало с основного здания дворца. Другие отмечают особую романтичность руин, но в то же время все равно выступают за целостную реставрацию. Результатом реставрации будет создание туристического комплекса с гостиницей и рестораном. Использование здания для нужд города не обсуждается. Проект разрабатывался брестскими специалистами достаточно автономно от ружанской общественности.

Как видно, при смутном представлении о реставрационных методиках приоритет обычно отдается романтическому целостному восстановлению, но в целом для местных сообществ процесс реставрации, как правило, важнее результата.

Реставрация ключевых объектов, создавая массу коммуникативных поводов, формирует условия для распространения ценностей наследия на другие элементы окружающего ландшафта. Реставрация/консервация замков, таким образом, выступает в качестве пункта отсчета актуализации городского исторического наследия в широком смысле.

Так, в Гольшанах общественность актуализирует тему сохранения городского наследия не только замка, в особенности после недавнего случая с разрушением бывшего еврейского банка. Высказываются опасения по поводу такой же судьбы других кирпичных объектов в центре населенного пункта. Также развивается идея о необходимости создания «общественного совета» для предотвращения разрушений.

В Быхове проведение в 2013 г. Дня белорусской письменности, а также начало работ на замке оставили свой позитивный след в смысле актуализации историко-культурного наследия. Была благоустроена территория, прилегающая к замку, начался ремонт двух замковых строений (небольшие башенки), который идет до сих пор. На самом замке появился огромный баннер, изображающий его исторический вид и поясняющий реставрационное намерение. Был проведен первый этап археологических раскопок. В центре появились цветные панно с изображением Ходкевича, Сапеги, синагоги и замка (всего четыре фрески). Одно из заведений общепита носит название «Замок Сапеги».

Однако проблемы с осознанием городского наследия все еще характерны для Быхова. Всю ответственность за реновационные работы местные жители возлагают на «могилевское начальство». Даже сюжеты для росписей на стенах центральных быховских зданий предлагались художниками из Могилева, осуществлявшими работы. Немного актуализируется еврейское наследие Быхова (синагога). Остальные объекты архитектурного наследия практически никого не волнуют. Есть лишь индивидуальная инициатива писателя Сергея Антонова об установке памятной доски царским генералам Корнилову и Деникину на здании бывшей женской гимназии. Многочисленная деревянная архитектура не воспринимается в качестве ценной.

Поскольку в Смолянах работы на замке не ведутся, актуализация культурного ландшафта остается сильно замедленной. К примеру, руины католического монастыря находятся под угрозой окончательного разрушения. В 2013 г. со стороны сельсовета была предпринята попытка их сноса. Вырыли две огромные ямы и хотели свалить корпус в них, а затем засыпать землей, однако местные активисты начали обращаться в районные и областные инстанции, после чего работы по демонтажу приостановились. Впрочем, некоторые жители еще тогда высказывали мнение о том, что католическое наследие Смолянам действительно не нужно.

Во время экспедиций местные эксперты неоднократно указывали на понятие «моды» применительно к восприятию тех или иных объектов. Общая «мода на ретро», фиксируемая в Беларуси относительно тенденций преобразования городских центров[10], проявляется и в замковых городах. Местные жители фиксируют несоответствие создаваемого образа (замки) реальности (руины) и выступают за восстановление именно образа.

[10] См. подробнее: Стурэйка С. «Дажынкі» і архітэктурная спадчына: магчымасці і выпрабаванні для беларускіх гарадоў // Arche. 2014. № 4. С. 196—224.

Актуализация и восстановление замков в свою очередь влечет за собой связанные явления, такие как осознание/переосознание городской истории, перезапись локальной идентичности, появление связанных общественных инициатив — местные краеведы и рыцарские клубы, туристическое движение, приезды журналистов и киношников, повышающие престижность объекта. Все это способствует изменению образа населенного пункта в целом и, следовательно, должно учитываться при определении целей реставрационных проектов.

Руины Гродненского замка, почти невидимые для туристов

Реставрация – новое соседствует со старым

Реставрационные наслоения в Лидском замке

Процесс реставрации восточного корпуса Ружанского дворца

Одна из башен Быховского замка в процессе ремонта

Проблема собственности и присвоения объекта местным сообществом, интенсивность этого присвоения

Проблема собственности является одной из ключевых при разработке концепций устойчивого наследия. Как показывает британский опыт[11], частная собственность на объекты наследия фактически исключает локальные сообщества из системы принятия решений по их развитию. Белорусские замки являются государственной собственностью, однако кто распоряжается ими фактически? Есть ли особо заинтересованные группы жителей, готовые брать на себя ответственность за сохранение и развитие объектов?

Проще всего этот вопрос решается в случае с действующими музеями. Так, Каменецкая башня находится под надежной охраной. Музей существует с 1960-х гг., недавно отремонтирован, имеет обновленную экспозицию (к дню Белорусской письменности), его эксплуатация не вызывает особых проблем и не является поводом для беспокойств. Экспозиция музея посвящена средневековому периоду каменецкой истории. Экспозиции, посвященной другим периодам, в городе нет.

Вместе с тем, музейность объекта не создает предпосылок для его «присвоения» другими жителями. Музей (читай — отделы культуры различных уровней) берет на себя всю полноту ответственности за объект, поэтому башня не генерирует вокруг себя устойчивых сообществ. В частности, музей более-менее активно работает со школьниками, но о работе со взрослыми даже не думает (так как «нет спроса»).

В Каменце активно действуют творческие союзы — формальные и неформальные (резчики по дереву, музыканты, есть несколько поэтов). Однако башня не является «активатором» их творчества. Замок, как завершенный объект, в целом не вызывает особого интереса каменчан. Они называют его своим символом, однако это происходит скорее по инерции и в отсутствие иных ярко выраженных культурных доминант.

Практически аналогичная ситуация с гродненским Старым замком, а теперь и с Мирским и Несвижским. Реконструкция и музеефикация Лидского замка ведет его в точности по тому же пути.

Помимо профессионального сообщества музейных сотрудников, иных сообществ, заинтересованных в возрождении замка, идентифицировать не удалось. Вместе с тем, в городе есть определенное количество активных людей, действующих обособленно.

Ружаны стали единственным населенным пунктом, где удалось обнаружить квазисообщество — дети среднего школьного возраста (человек семь) сопровождают гостей, рассказывая придуманные на ходу легенды в расчете на получение небольшого гонорара. Деньги они тратят на сигареты, фильтры от которых выбрасывают тут же, на территории дворца. Возможно ли было бы это проявление самоорганизации на полностью музеефицированном и к тому же закрытом от «посторонних» объекте с платным входом? Вероятно, нет.

Гораздо более многогранной представляется ситуация в населенных пунктах с «традиционными руинами» и недавно актуализированными замками.

[11] См.: Hodges A., Watson S. Community-based Heritage Management… P. 231—243.

Если в Гольшанах присвоение замка осуществляется местным населением, которое связывает с ним свое материальное благополучие (владельцы агроусадеб и точек общепита, бывшие сотрудники музея, историки и краеведы), то в Крево это исключительно внешние общественные силы (волонтеры, историки, архитекторы). В целом степень присвоения низка и в том, и в другом населенном пункте.

В дискурсивных практиках проблема собственности двух этих замков выражается в двух фразах: «Нет хозяина» и «Надо бы организовать».

Основная масса жителей ограничивает свою причастность к судьбе замка «любовью и гордостью», возмущением от уничтожения или разрушения памятников, однако не видит возможностей активного включения. Согласно проведенным интервью, буквально все жители «были бы рады его восстановлению». Вместе с тем, не многие знают и интересуются, что именно там будет. Общее настроение — скептическое. Особых надежд и личных перспектив с развитием объекта не связывают. Местные жители фактически не включаются в практики, связанные с научным, туристическим и иным освоением замков.

Руины замков воспринимаются жителями в лучшем случае как «фактор изменений»: реконструкция замка влечет за собой снос ближних домов (Крево, Ружаны), перенос фермы (Гольшаны), возможно, другие изменения.

В Гольшанах выделяется группа заинтересованных предпринимателей, которые связывают с развитием туризма и восстановлением замка свои планы и надежды. Большинство из них — не местные жители. Они создают свои маршруты, продают сувениры, открывают кафе и т.д. Между этими активными людьми налажены тесные деловые и человеческие взаимосвязи. Особая активизации действий и перспектив связана с деятельностью белорусского комитета ИКОМОС и реальными процессами обновления замка. Вокруг него завязываются более тесные деятельные связи, втягивается имеющийся человеческий потенциал.

Вместе с тем, в Гольшанах есть люди (10—15 человек), увлеченные историей и имеющие патриотический настрой — готовность сохранять и продвигать свое наследие. Следует сказать, что большая часть из них — местная интеллигенция преклонного возраста, что уменьшает их деятельные возможности. Другая (меньшая) часть — местные предприниматели и обосновавшиеся в Гольшанах люди из Минска, которые готовы вкладывать деньги и силы в развитие населенного пункта. Отличный с точки зрения укрепления местного сообщества проект «Гольшанский алфавит» был реализован Белорусским фондом культуры в 2011 г.[12]

В отличие от близлежащих Гольшан, социальные практики местных жителей в Крево завязаны на замок как туристический объект гораздо меньше. Туристический потенциал и возможности получения дивидендов от нахождения замка — работа, бизнес, социальный статус — практически не используются местными. Максимум — участие в ежегодном фестивале «Кревский замок», преимущественно в качестве зрителей. Наличие туристов не порождает предпринимательской активности.

Имеющийся в школе музей и связанные с ним люди (историки и школьники) не только не включены в туристическую инфраструктуру, но и не взаимодействуют с

[12] Давідовіч Г. У Гальшанах адкрылася выстава «Гальшанскі альфабэт». Фотарэпартаж // http://www.osh.by/?p=5313 (28.10.2011).

теми, кто ведет раскопки, летними лагерями БНТУ, фондом «Кревский замок» (школьные историки знакомы с деятельностью фонда лишь понаслышке).

Это тем более удивительно, что школьный музей создавался когда-то на общественных началах. В городе есть активно публикующийся краевед, жители неплохо осведомлены об его истории (на уровне общей канвы и основных событий). Сохранились также воспоминания о периоде Первой мировой войны, когда в Крево стоял фронт.

Быховчане про культурную ценность своего замка знают гипотетически («рассказывают в школе»). Замок и синагога рассматриваются всегда в паре, однако если у реновации синагоги есть хотя бы один гипотетический стейкхолдер — микроскопическая еврейская община, то у замка такого вовсе не удалось обнаружить. Единственная общественная инициатива, артикулировавшая когда-то роль замка — газета Сергея Антонова «Старый замок», которая уже перестала издаваться. В ней было напечатано несколько материалов, посвященных замку. Никаких других форм активности — лагерей волонтеров, субботников, не проводится. Общественные объединения не активны. Во время подготовки Дня письменности несколько раз проводились субботники и собирались деньги, но это скорее чрезвычайное исключение.

Необходимо отметить, что, учитывая небольшое количество жителей (около 600 человек), в Смолянах довольно много историков, краеведов, действительно интересующихся историей. Культурный ландшафт Смолян весьма своеобразный — в деревне доминируют три руинированных объекта — замок «Белый Ковель», Алексеевская церковь, а также бывший доминиканский костел с сильно перестроенным монастырем. В Смолянах практически отсутствуют современные здания, единственный «оазис» современности и активности — сельскохозяйственный колледж. Впрочем, действующая администрация колледжа в настоящее время практически не занимается своим наследием. Если говорить о месте Смолянского замка в культурном ландшафте, то для местных он однозначно уступает действующей деревянной церкви. По поводу замка «все упирается в деньги».

Активное местное сообщество концентрируется главным образом вокруг действующего православного прихода. В период службы отца Александра вокруг прихода развилась большая активность, связанная в том числе и с осмыслением деревянной церкви в качестве историко-культурной ценности. Прихожане сделали ремонт «нижнего» храма, благоустроили прилегающую территорию (в соответствии с историческими изображениями), взялись за спасение заброшенной Алексеевской церкви, провели ее частичную консервацию (в связи с чем вступили в конфликт с действующей администрацией сельсовета). Сейчас, после гибели отца Александра, сообщество в целом сохранилось, однако у него уже нет идейного вдохновителя. Некоторые работы на заброшенной церкви проводились и до отца Александра.

Руины замка «Белый Ковель», к сожалению, не имеют такой активной поддержки со стороны активистов. В целом для жителей характерно наблюдаемое и в других населенных пунктах упование на «власть», которая должна восстановить замок. Конечной целью при этом называется «чтобы ездили туристы, чтобы смотрели на наши памятники». При этом никаких целей, конкретизирующих режимы взаимодействия по поводу памятников между самими жителями и между жителями и туристами, не артикулируется.

Никакие субботники, даже силами местного колледжа или отдела культуры, не проводятся. По мнению информантов, никому в поселке, кроме небольшой группы акти-

вистов, нет дела до этих объектов. Иногда местные варвары продолжают отбивать кирпич от монастыря. На нем и на костеле видны следы пребывания «отдыхающих компаний».

Несколько иная ситуация складывается в Любче. Любчанскому замку повезло. Если информанты в других населенных пунктах лишь умозрительно рассуждают о необходимости появления «хозяина», в Любче такой «хозяин» есть — это руководитель фонда «Любчанский замок» Иван Печинский. Один из информантов в Любче привел любопытную метафору: Печинский — это конь, тянущий в гору тяжелую телегу. Любчанцы же разделяются по отношению к нему на две категории. Одни по мере возможностей помогают, другие же стоят в стороне, но с интересом наблюдают, удастся ли коню вытянуть воз.

И.А. Печинскому удалось втянуть в работу по воссозданию замка не так много любчанцев. Но даже это может быть признано успехом. Руководитель фонда буквально требует от любчанцев их участия (вообще задумка с воссозданием была впервые сформулирована им в 1991 г. в кругу семерых любчанцев-друзей, и тогда даже удалось провести один субботник силами поселка, однако дело затормозилось вплоть до 2002 г., когда зарегистрировали фонд). Позитивные преобразования в Любче происходят в том числе потому, что реставрацией занимается не один из областных строительных трестов, а местные рабочие с помощью приезжих студентов-волонтеров.

Помимо чувства причастности и присвоения объекта местными жителями, существует также аспект юридической собственности на объект. Все белорусские замки находятся в государственной собственности, однако, как правило, они закреплены за государственными органами, которые не располагаются в «замковом» населенном пункте.

Так, если Гольшанский замок находится на балансе местного сельсовета, то уже Кревский — на балансе одного из отделов Сморгонского райисполкома. В последнем случае местная власть практически исключена из процесса принятия решений по замку, она выступает лишь на консультативном уровне. Даже ставка косца травы (единственный, кто зарабатывает в Крево деньги на замке) приписана к тому же отделу.

Музеефицируемый сейчас Ружанский дворец и музей при нем стоит на балансе Пружанского райисполкома. Музей в Каменецкой башне (единственный музей в Каменце) является филиалом Брестского областного краеведческого музея. Башня находится на его же балансе. Идеи о передаче объекта городу не обсуждаются. Более того, местные музейщики и специалисты отдела культуры видят в таком положении определенную выгоду (зарплаты выше). Гродненский Старый замок находится в областном (а не городском!) подчинении.

Проблема собственности приобретает здесь не только абстрактно-философский, но и очень практический смысл. В отсутствии собственника (сама по себе фраза «состоит на балансе» предполагает несколько иной тип отношений) замки не имеют шанса на нормальное развитие, так как отсутствует ответственное перед самим собой и перед сообществом лицо, принимающее решения (ЛПР).

Судьбой замков заведуют отделы культуры соответствующих райисполкомов. Насколько их сотрудники лично мотивированы в продвижении, актуализации, использовании и реставрации объектов, территориально удаленных от их рабочего места — большой вопрос. Также не всегда соответствующие сотрудники обладают экспертным знанием в области охраны историко-культурного наследия.

Таким образом, по отношению к реконструкции/реставрации замков рядовые жители в большинстве случаев имеют либо утилитарное (будут или нет сносить дом), либо общее («хорошо бы чтобы реставрировали, но ведь денег надо много») отношение. Очевидно, что они будут внешними наблюдателями того, что фактически будет происходить без их участия. Скорее всего, они также не будут включены в реализацию новых возможностей, открывающихся в связи с восстановлением замков, но будут претерпевать последствия (позитивные и негативные) и эффекты от действий других людей и структур.

Следует также сказать, что в рамках местной повседневной культуры отсутствует отношение к замкам как к чему-то важному, подлежащему сохранению, почитанию, имеющему глубокие личные связи. Поэтому очевидно, что в рамках такого представления замки будут разрушаться и придут в полное запустение.

Для запуска механизма присвоения объекта требуется довольно серьезное усилие. Его реализация возможна лишь посредством создания множества социальных связей по поводу объекта. Реставрация либо консервация должна становиться толчком к интеграции местных сообществ.

Целью большинства действий на объекте при реализации социальной части реставрационных проектов должно быть создание множества коммуникативных поводов для местных жителей.

К подобным поводам можно отнести:

- организацию обслуживания туризма;
- создание либо трансформацию замковой территории в качестве общественного пространства;
- воплощение и проецирование локальной идентичности (любопытно, как символика Новогрудского замка доминирует в городе — это и повсеместные его графические изображения, и даже декор пригородных остановок).

Паутину взаимодействия основных локальных акторов, потенциально заинтересованных в сохранении и актуализации замков, можно структурировать с помощью данной таблицы. В ней показаны лишь основные взаимоотношения:

Мы видим и нас видят	Бизнесмен	Районный чиновник	Местный краевед	Историк
Бизнесмен	Общественно значимая фигура, которая обеспечивает экономическое и культурное развитие	Не очень хорошо ориентируется в «реальной» жизни, но с ним не стоит ссориться. Помочь он вряд ли сможет, но лишь бы не мешал	Тот, кто сможет за недорогую цену проводить экскурсии и привлекать клиентов в их бизнес	Кто-то из параллельной реальности
Районный чиновник	Средство по выполнению пунктов социально-экономических программ региона	Общественно значимая фигура, которая обеспечивает экономическое и культурное развитие	Чудак, фольклорный элемент	Люди, которые больше озабочены собственным пиаром, чем реальной работой

Местный краевед	Двоякое отношение. С одной стороны, хозяин, с которым связывается возможность ревитализации исторических объектов, с другой стороны — деспот, который выкачивает максимальную прибыль	Человек, который кардинально ничего не может изменить в существующих реалиях	В изменившихся условиях мог бы больше	Люди, которые работают параллельно, с ними нет общих дел и забот
Историк	Среди бизнесменов не часто бывают люди, ангажированные в белорусскую культуру	Не готов реально помогать	С ними нет нужды коммуницировать	Люди, которые медленно, но, несмотря на трудности, делают важную работу

При этом следует иметь в виду, что роль замка в большом и маленьком городах разительно отличается. С одной стороны, в большом городе людей, восприимчивых к таким поводам и принимающих участие в самой коммуникации больше в абсолютных числах, с другой же в пропорции к общему числу жителей их меньше. В больших городах замок как бы растворяется в большом количестве других знаковых городских объектов и символов.

Рубероид в средневековом Лидском замке

Православная церковь в Смолянах, также в руинах

Новогрудские руины имеют международное значение

Роль внешних акторов в развитии населенных пунктов

Под внешними акторами в данном разделе подразумеваются экстерриториальные эксперты, волонтеры, архитекторы-реставраторы, туроператоры и сами туристы, т.е. все те, кто имеет более-менее четко выраженную гражданскую либо профессиональную позицию по отношению к замкам и при этом не живет постоянно в соответствующих населенных пунктах. Некоторые из них, например, архитекторы-реставраторы и внешние инвесторы, осуществляют непосредственную строительную либо хозяйственную деятельность. Другие — эксперты и туристы — влияют скорее косвенно. И все же роль внешних сил в актуализации местного наследия трудно переоценить.

Многие белорусские замки, не говоря уже о менее известных объектах, до самого недавнего времени не воспринимались местными жителями как нечто особенно ценное, зачастую служили в качестве источника бывшего в употреблении строительного материала. Так, после войны Ружанский дворец и Кревский замок активно разбирались на строительный материал (даже выдавались соответствующие ордера). Нелегальная разборка Ружанского дворца окончательно прекратилась лишь в недавнее время. Зато Быховский замок был буквально разграблен уже в 2000-е гг. Подобная ситуация с руинами в Смолянах.

Любопытное объяснение феномена отторжения/забвения собственного наследия высказал во время Ружанской экспедиции реставратор Вячеслав Ракицкий. По его мнению, перед лицом достижений предков наши собственные жизни кажутся лишенными значимости. Забвение, таким образом — это психологический механизм для сохранения стимула к прогрессу.

И все же находятся силы, которые возвращают жителям замковых городов память.

В Гольшанах всплеск локального патриотизма произошел в момент открытия в 1989 г. на волне национального возрождения филиала Национального художественного музея. Инициатива была внешней, и хотя задолго да этого силами местного краеведа Э.С. Корзуна уже начал создаваться школьный музей, именно «национальный» музей и внимание туристов («полная площадь автобусов») открыли местным жителям их собственное богатство. До этого момента исторические компоненты были как бы в тени. Даже сейчас рассказ о том, как разбирали замок, сопровождается объяснением «никто же не знал».

Следует предположить, что Гольшанами и местным культурным ландшафтом все более будут интересоваться люди из Минска, которые покупают здесь недвижимость и готовы включаться в развитие.

И туристическое движение, и совершивший «сдвиг в сознании» первый рыцарский фест в Новогрудке организовывались «минчанами». Фестиваль в Крево организовывался «литовцами». Аналогичный процесс актуализации извне зафиксирован в Любче и Смолянах.

Наиболее эффективным представляется «отражение» замка на месте через его актуализацию на национальном уровне. Это верно для перечисленных выше случаев. Напротив, в Быхове этот феномен не явный. Вероятно, потому, что «отражает» замок Могилев, а не Минск. В беседах с информантами несколько раз встречалось довольно неожиданное позиционирование объекта как «единственного замка в Восточной Беларуси». Этим якобы объясняется необходимость заботы о наследии.

В каждом случае после общения с информантами создавалось впечатление, что возникшая любовь к своему городу и его истории — плод внешнего воздействия (музей, туристы, приезжие люди, готовые вкладывать в развитие). Без этих внешних воздействий собственный культурный потенциал неочевиден. Главное, что привносят внешние акторы — это образы, установки для понимания и интерпретации. Местные жители как правило, охотно их дублируют.

Несколько иная ситуация сложилась в Крево. Там можно говорить о некой параллельности в существовании местного сельсовета, краеведов, волонтеров и туристов. Их интересы мало пересекаются, поскольку активность пока не предполагает ни материальной, ни политической выгоды. Даже несмотря на наличие латентного конфликта между фондом «Кревский замок» и председателем сельсовета фонд все равно продолжает свои исследования. При этом было установлено, что местный школьный музей не сотрудничает с фондом, собирающим свой собственный музей.

Экспедиция в Крево позволила выявить и ряд негативных особенностей актуализации объекта извне. В первую очередь это некоторое «затирание» локальной культуры. Дело в том, что туристические и иные практики, в которых Кревский замок — важная часть историко-культурного наследия, вообще не имеют отношения к локальной культурной среде. Это объект «истории ВКЛ», а не истории и культуры этой местности и этих людей. Современная сложившаяся культура и отношение к замкам местных жителей воспринимается приезжими волонтерами как «советское», искусственное, наносное — слой, который мешает видеть важное, достойное, древнее и т.д.

Развитие Крево в качестве туристической дестинации будет способствовать переинтерпретации культурного ландшафта, причем делать это будут в основном внешние интеллектуалы с использованием не аутентичного локального материала, а скорее по мировым образцам с привлечением местной специфики и ориентацией на белорусский «туристический стандарт». Возможность реально вовлечь в это восстановление и развитие местных жителей с их наличным культурным потенциалом и местной спецификой невелика.

Относительно всех «замковых ситуаций» у исследователей сложилось мнение, что «естественный местный культурный ландшафт», то есть особое уникальное сочленение объектов, организации жизни вокруг и определенных представлений о мире и о себе и т.д. включает «замок» в некоем ином качестве, нежели национальное достояние. Введение же в этот естественный ландшафт «Замка» как туристического объекта, объекта особого внимания разрушает собственную культурную и социальную уникальность образа жизни, задавая ей стандартное (одинаковое для всех подобных туристических объектов) измерение.

Таким образом, выявляется проблема: с одной стороны сохранение наследия возможно только через привлечение «внешнего» культурного и социального контекста, через придание ему иных смыслов и значений, статусов и т.д. С другой стороны, эти «внешние контексты» никак не сопряжены с реальной «ближней» историей и культурой поселения и людей. По сути, эти новые смыслы и новый культурный ландшафт строятся в нивелировании сложившихся практик (как менее ценных). Добавляет проблемности то, что «новые практики», особенно туристические, стандартизуют подобные объекты, вырывают их из местного контекста, делают одинаковыми и «лубочными» все объекты исторического наследия.

Быховский замок, закрытый строительной сеткой с распечатанным фасадом

Кревский замок с неоконченной консервацией

Законсервированный археологический раскоп в Крево больше напоминает разруху военного времени

Туризм как фактор развития замковых городов

Одной из целей программы «Замки Беларуси» являлось способствование развитию внутреннего и въездного туризма в Беларуси. Туризм также можно причислить к форме внешнего воздействия. Справедливости ради, говорить о развитии туризма в замковых городах можно лишь с некоторой натяжкой. Согласно международному определению турист — лицо, проводящее в месте посещения не менее суток или хотя бы одну ночь. Только такое длительное посещение оказывает на дестинацию экономический эффект. В случае с белорусскими замками уместнее было бы говорить о краткосрочных экскурсионных визитах. Большинство экскурсантов при этом туристами не являются и, соответственно, эффект, который они оказывают на местных жителей — скорее психологический. Количество экскурсий как бы дает понять значимость места.

В городах, где нет музеев, также отсутствует методология подсчета экскурсионных и туристических посещений. Оценка интенсивности посещений осуществляется «на глаз».

Интенсивность туристического потока прямым образом связана с наличием в населенном пункте соответствующей инфраструктуры: гостиницы и пунктов общественного питания. В то же время, например, в Крево, Любче, Смолянах и Каменце гостиницы вообще отсутствуют.

Каменец оставляет противоречивое впечатление: город беден на места общественного питания, гостиницу заменяют несколько близлежащих агроусадеб. С другой стороны, его довольно активно посещают экскурсионные группы (вообще Каменец — старая, еще советского времени дестинация, хотя, по мнению информантов, количество «туристов» существенно уменьшилось в 2000-е гг.). Возле башни есть большой частный лоток с сувенирами. В целом город находится в тени Бреста и Беловежской пущи — двух больших туристических объектов, способствующих транзитному пересечению Каменца, но в то же время без необходимости его целенаправленного посещения. В Каменце, таким образом, спрос на туристические услуги превышает предложение.

В Смолянах частный бизнес развит весьма слабо. Гостиницы нет, как и нормальных заведений общественного питания (есть только бар и пара магазинов). Туристов не много. Есть заезжие индивидуальные туристы из Минска, Орши, иногда из России и из Польши (посещают могилу Томаша Зана), однако организованные группы — редкость. Соответственно никакого туристического бизнеса нет, и в принципе не очень понятно, почему после консервации руин он должен возникнуть. Местные жители возлагают надежду на государство, которое «должно все организовать».

Не всегда наличие инфраструктуры генерирует поток туристов. В Быхове есть одна гостиница, хотя заведения общепита (несмотря на кажущуюся многочисленность) работают с явными перебоями. Однако развитие туризма в этом городе проблематично ввиду того, что замок фактически не включен в туристические маршруты. Скорее всего, развитие туризма в Быхове искусственно тормозилось в советское время ввиду наличия в городе режимного военного объекта. В этом смысле город сейчас продолжает пожинать советское наследие.

Даже экскурсионное обслуживание в Быхове осуществляется по советскому принципу государственными организациями (ветераны, рабочие коллективы, иногда — школы). Все экскурсии сопровождаются сотрудниками местного музея. Коммерческие

туроператоры обходят Быхов стороной. Начальник отдела идеологии, культуры и туризма Быховского райисполкома смогла вспомнить буквально все приезды в город организованных групп за последнее время. Рост туризма не рассматривается в качестве приоритета городского развития.

В целом по итогам пяти экспедиций можно заключить, что туристический бизнес и реставрация/реконструкция замков связаны лишь косвенным образом. Бизнес не слишком заинтересован в замках, ведь их туристическая емкость невелика (максимум час осмотра), они лишь один из пунктов посещения. Так, в Крево, где развитие инфраструктуры находится на нулевом уровне, местный глава сельсовета, говоря о необходимости активизации работ на замке, имеет в виду прежде всего призамковую территорию, которую необходимо организовать таким образом, чтобы получалось зарабатывать на туристах (строительство кемпинга, здания музея, обилечивание посетителей). Напротив, когда о перспективах реновации рассуждают гольшанские предприниматели, они в первую очередь обращают внимание на возрождение паркового озера, которое, по их мнению, сделает целесообразным пребывание в Гольшанах более суток.

В целом в Гольшанах посещения очень активны, но нет регулярности — от 3—4 автобусов в день до нескольких машин. Во время осмотра руин замка исследователями (1—1,5 часа) приехали 4 машины, примерно 15 человек. В основном это местные жители, которые привезли своих родственников показать замок, или заезжие по пути экскурсанты (самоорганизованные). Кроме того, Гольшаны, вероятно, лучший населенный пункт с точки зрения развития инфраструктуры (если не считать Мира, Несвижа и Гродно). В центре Гольшан действуют две гостиницы и три пункта общепита.

Несмотря на это, инфраструктурные объекты в Гольшанах в меньшей степени работают на обслуживании туристических потоков — в основном в них проводятся свадьбы и семейные торжества.

Здесь отчетливо проявляется роль внешнего бизнеса, а именно туроператоров — компаний, базирующихся в крупных городах и занимающихся организацией туров и экскурсий. Если раньше популярная столичная компания «Замки Беларуси» использовала инфраструктуру Гольшан при осуществлении своих маршрутов, теперь у туроператора есть «своя агроусадьба», и нужды в том, чтобы селить и кормить туристов в Гольшанах, больше нет.

Роль туроператоров в современной динамике внимания к объектам и социальным изменениям по поводу развития туризма сложно переоценить. Так, в Новогрудке в последнее время, после открытия Мирского и Несвижского замков, количество туристов заметно сократилось. В Любче сезон 2014 г. также не принес плодов от приезда экскурсий (за лето собрали только 3 млн пожертвований).

Наладить отношения между местным бизнесом и туроператорами могло бы, во-первых, создание конкурентоспособного туристического продукта, а во-вторых — вовлечение государственных органов в организацию совместных «внешне-внутренних» проектов.

Что касается конкурентоспособного продукта, речь идет не столько о гостиницах и кафе (это как раз зона ответственности частного бизнеса, для которого, в принципе, необходимо лишь создание льготных условий хозяйствования), сколько о культурной составляющей дестинации. Например, по словам местных жителей, число туристов значительно уменьшилось («в разы») после закрытия филиала Национального худо-

жественного музея в монастыре. Таким образом, местный бизнес ищет аттракцию, которая восполнила бы эту потерю. Опыт Гольшан, Каменца и Ружан свидетельствует, что музей, даже небольшой и расположенный вне замка, играет в развитии туризма большую роль. Ружанский дворец посещается большим количеством туристов — как индивидуальных, так и групповых. Далеко не все они посещают музей, однако, по оценке эксперта, в связи с открытием музея количество туристов значительно выросло. К сожалению, пока что потенциал неплохих школьных музеев в Гольшанах и Крево не используется.

Еще одним фактором привлечения туристов могло бы стать создание «замковых объединений» — например, Крево и Гольшан, Любчи и Новогрудка, Ружан и Каменца. В принципе, к каждому замковому объекту можно подобрать аттрактивную пару, чтобы они действовали так же, как действуют Мир и Несвиж. Здесь эксперты обнаружили организационное затруднение — недостаточность координации действий между различными райисполкомами, на балансе которых находятся объекты: Сморгонским и Ошмянским, Пружанским и Каменецким.

Впрочем, государственные органы все равно не остаются в стороне от развития туризма. Это проявляется в попытках монополизации отношений с памятником, которые фиксируются как в Крево, так и в Гольшанах. Например, отдел образования, спорта и туризма Ошмянского райисполкома ищет возможности встроиться в туристический бизнес путем организации собственной государственной турфирмы и «патентованного» маршрута (правда, в сотрудничестве с местными предпринимателями). Имеет место и захват госорганами ведущей организационной роли в ежегодных фестивалях, задумывавшихся первоначально местными и внешними активистами (Кревский, Гольшанский, Каменецкий, Новогрудский фестивали).

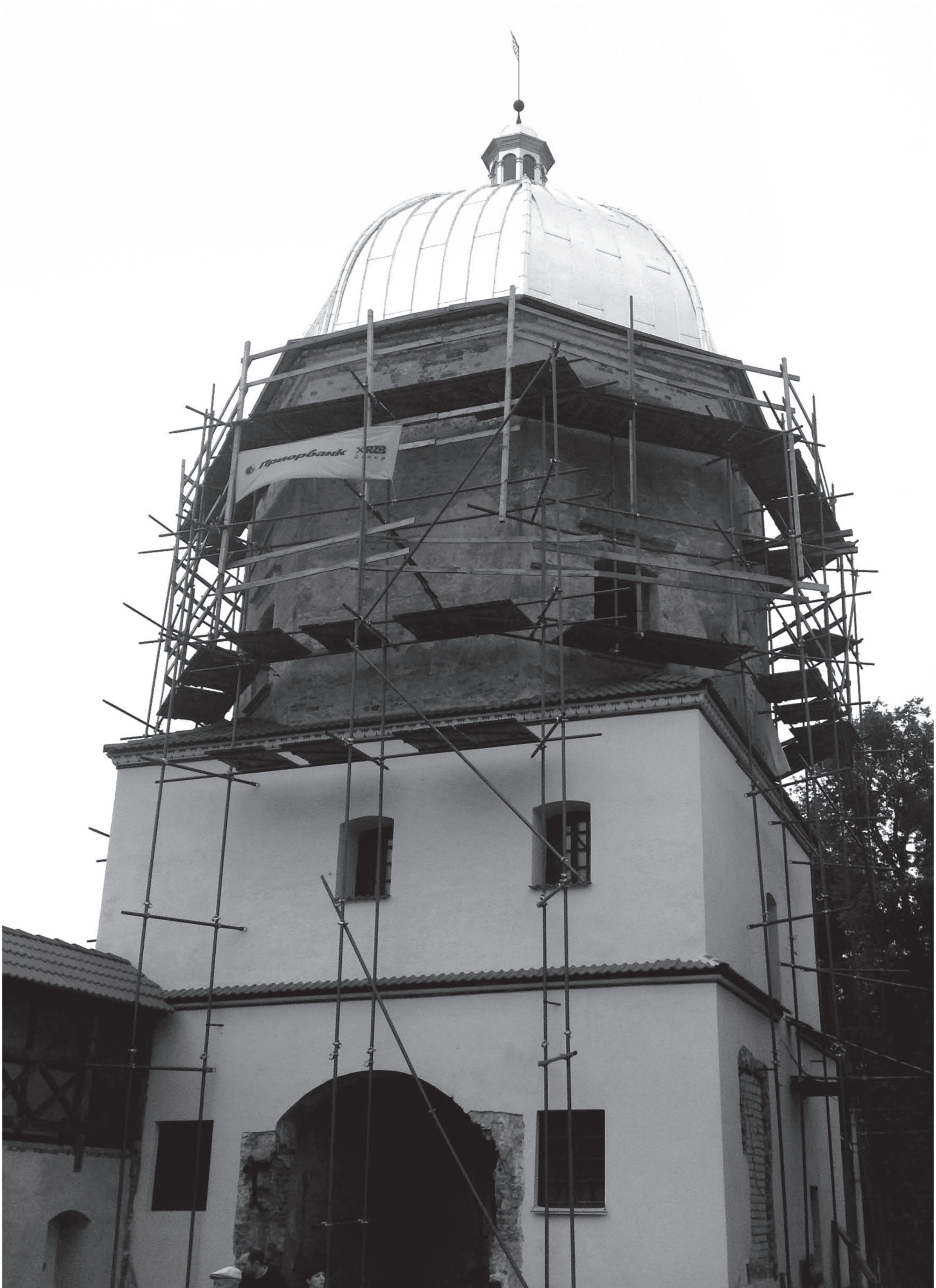
Таким образом, внешнее воздействие на населенные пункты в реальности имеет целый ряд как положительных (актуализация памятников в глазах местных жителей, экономический рост), так и отрицательных (размывание локальной культуры, «безвозмездная» эксплуатация памятников) проявлений. Стремление государственных органов к контролю и корректировке данных процессов имеет тенденцию к монополизации отношений в определенных сферах. При исключении данной тенденции в целом роль государственных органов там, где их активность вообще наблюдается, может быть признана позитивной.

Быховский замок в отсутствие функционального применения превратился в руину за считанные годы

Башня Щитовка в процессе консервации и укрепления

«Стилистический» купол одной из башен Любчанского замка стал предметом споров реставраторов

Итоги исследования

Обоснование государственных инвестиций в сохранение и воссоздание знаковых историко-культурных объектов дается обычно в плоскости социально-экономического развития городов и малых населенных пунктов.

Реставрируемые замки при этом могут рассматриваться в качестве экономического ресурса (средство привлечения и удержания туристов, рабочие места и т.д.). Практика показывает, что реальный эффект от этого пока не слишком соответствует ожиданиям. С другой стороны, восстановление замков позволяет повысить качество и престиж жизни в населенном пункте, увеличить разнообразие жизненных стратегий, укрепить или перезаписать коллективную идентичность жителей, способствовать образованию полноценных сообществ.

Особенно это важно для маленьких и до сих пор стагнирующих населенных пунктов, где замок — это буквально «градообразующий» культурный объект, занимающий центральное место в структуре городской идентичности.

В этом смысле инвестирование в ключевые памятники (замки, монастыри, усадьбы) в малых городах, поселках и деревнях по своей эффективности может находиться на одном уровне с инвестированием в общее благоустройство, строительство «агрогородков» и т.д.

Общий потенциал подобных объектов может быть разделен на три основных аспекта:

- Социальная емкость объектов по отношению к местным жителям — увеличение плотности социальных связей;
- Культурная емкость объектов — возбуждение культурных инициатив на местном и национальном уровне;
- Экономическая емкость объектов — развитие сферы услуг и инфраструктуры в связи с увеличением числа туристических посещений.

Задача восстановительных проектов — увеличение потенциала замков по всем трем указанным направлениям.

В определенной ситуации замок действительно может играть роль «паровоза» в повышении качества жизни в городе. Однако чтобы это действительно произошло, необходимо проектировать не только архитектурно-строительную, но и социальную часть реставрации.

Исследование показало, что в данный момент белорусские реставрационные проекты не заключают в себе социальной части. Развитие туристических предприятий и самоорганизация жителей в Беларуси возникают не столько как запланированное следствие воссоздания замков, сколько как стихийная деятельность. И в этом смысле значение реальной реставрации/консервации замков несколько обесценивается.

Самый тревожный результат исследования заключается в том, что локальные сообщества до сих пор практически исключены из участия в судьбе замков. Многие объекты не принадлежат сообществам и даже местным органам власти, проектные решения по всем им принимаются и утверждаются в крупных городах. В конце концов столичные туроператоры привозят туда туристов для мимолетного осмотра достопримечательности, исключая местные гостиницы и кафе из своего маршрута. При этом ряд реализуемых реставрационных проектов даже усугубляют ситуацию, разрывая те немногие существовавшие до сих пор связи местных жителей с их наследием.

Данные проекты таковы отнюдь не в силу низкой квалификации проектировщиков, но прежде всего из-за общего культурного контекста восстановления замков. Еще в 1980-е гг., на волне национального возрождения, когда белорусские горожане вдруг «обрели» богатейшее культурное наследие, общественное сознание не смогло примириться с образом руин. Плохочитаемые остатки некогда величественных архитектурных сооружений до сих пор называют в Беларуси замками. В массовом сознании образ замка — это нечто из телевизионных передач про «Замки Луары» с соответствующим средневековым антуражем. Несмотря на то, что в белорусских реалиях замок представлял собой не столько оборонительное сооружение, сколько символическую репрезентацию социального капитала феодала и выступал в роли «военизированной» усадьбы с соответствующей интеграцией в местную хозяйственную и культурную жизнь, сегодня общественное мнение ожидает создания в них рыцарских музеев. Целостное восстановление утраченного — практически единственный режим разговора о наследии в Беларуси.

Между тем сохранение и восстановление материальной формы не обязательно приводит к сохранению культурной ценности. Насаждая одну ценность, реставратор может уничтожить другую, до сих пор непроявленную.

Подобные реставрационные проекты далеко не в полной мере отвечают культурным и экономическим интересам местных жителей. Для обеспечения этих интересов мало реконструкции романтических образов. Критически важным здесь представляется вопрос о функции восстанавливаемого замка. Реставрационные действия должны не изменять кардинально функцию объекта (со школьного двора на музей), а скорее обогащать сценарии его использования. Музейная же функция сакрализует объект, следовательно существенно сокращает эти сценарии.

Поскольку многие замковые населенные пункты находятся в перманентном социально-экономическом кризисе, освоение замков в них возможно только за счет внешних интеллектуальных и культурных инвестиций. Местные жители не в силах повторно освоить покинутые когда-то объекты. В таких условиях освоение и поддержание классических замков-музеев силами местных весьма затруднительно. Однако внешнее воздействие — это одновременно и шанс на сохранение материальной составляющей наследия, и вместе с тем угроза локальной культуре. Наиболее рациональным режимом культурной составляющей функционирования восстановленных объектов

исследователям видится не насаждение музейного стандарта/канона, но поддержание и трансляция сохранившейся локальной памяти и идентичности.

Кроме того, особое внимание должно уделяться определению основных пользователей восстанавливаемого объекта. Замок как национальное достояние, принадлежащее всему белорусскому народу — это крайне неудачное определение пользователя. Пользователи, готовые разделить ответственность за судьбу объекта — это всегда четко очерченные группы лиц. Реставрация и консервация церквей, костелов и синагог всегда успешнее именно потому, что данные объекты принадлежат не «всем горожанам», но конкретной конфессиональной или даже этнической группе, и даже еще у́же — конкретному приходу. Выявление и характеристика четких групп пользователей объекта — одна из самых важных задач при разработке концепции восстановления замков.

Таким образом, наиболее эффективным могло бы быть превращение замков (замковых территорий) в своеобразные общественные центры. Современные реставрационные проекты должны предполагать восстановление утерянных либо установление новых связей между сообществом, культурным ландшафтом и историческим прошлым. Также в таких общественных центрах мог бы быть организован диалог между местными жителями и путешественниками (туристами). Для этого, обеспечивая развитие туризма, государственные органы должны способствовать интеграции местных инфраструктурных объектов и культурных ресурсов в маршрутную сеть внешних туроператоров.

Подобного уровня проектирование сможет обеспечить устойчивость культурных объектов и целых ландшафтов в средне- и долгосрочной перспективе.

В данной части Гродненского Старого замка запланировано целостное восстановление объекта

Список литературы

1. Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 71—304.
2. Европейское руководство по выявлению сельского наследия. Москва: РосНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, 2005. 73 с.
3. Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17—50.
4. Стурейко С. Восприятие архитектурного наследия жителями Гродно и Львова. Сравнительный анализ // Перекрестки. 2013. № 1—2. С. 209—223.
5. Стурэйка С. «Дажынкі» і архітэктурная спадчына: магчымасці і выпрабаванні для беларускіх гарадоў // Arche. 2014. № 4. С. 196—224.
6. Стурэйка С. Экспертны і абывацельскі погляды на спадчыну. Ці пераадольнае непаразуменне? // Горад Святога Губерта: альманах лакальнай гісторыі. Вып. 9 / Рэдкал. І. Соркіна (і інш.). Гродна, 2014. С. 19—37.
7. Туровский Р. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 139—173.
8. Ashworth G. J. The Conserved European City as Cultural Symbol: the Meaning of the Text // Modern Europe. Place, Culture and Identity / Ed. by B. Graham. London: Arnold, 1998. P. 261—286.
9. Ashworth G. J. From History to Heritage — from Heritage to Identity. In Search of Concepts and Models // Building a New Heritage. Tourism, Culture and Identity in the New Europe / Ed. by G. J. Ashworth and P. J. Larhkam. London: Routledge, 1994. P. 13—30.
10. Barthel D. Historic Preservation: A Comparative Analyses // Sociological Forum. Vol. 4. 1989. No. 1. P. 87—105.
11. Capturing the Public Value of Heritage. The Proceedings Of The London Conference (25—26 January 2006) // http://www.helm.org.uk/upload/pdf/Public-Value.pdf
12. Hodges A., Watson S. Community-based Heritage Management: a case study and agenda for research // International Journal of Heritage Studies. Vol. 6. 2000. No. 3. P. 231—243.
13. Gaczoł A. Kraków. Ochrona zabytkowego miasta. Rzeczywistość czy fikcja. Kraków: Wydawnictvo WAM, 2009. 359 s.
14. Kergorlay D. The role of associations in the protection of Europe's cultural heritage // Cultural heritage in the 21st century. Opportunities and challenges. Krakow: International cultural centre, 2007. P. 247—250.
15. Kurt W. Foster, Monument/Memory and the Morality of Architecture // Oppositions, 1982. Vol. 25. No. 4. P. 2—19.
16. Lowenthal D. The past is a foreign country. Cambridge University Press, 1985. 489 p.

17. Mason R. Assessing Values in Conservation Planning: Methodological Issues and Choices // Assessing the Values of Cultural Heritage: Research Report. Los Angeles: The Getty Conservation Institute, 2002. P. 5—30.
18. Muñoz Viñas S. Contemporary Theory of Conservation. Oxford: Elsevier, 2005. 239 p.
19. Pearce S. M. The Making of Cultural Heritage // Values and Heritage Conservation. Research Report / Eds. by E. Avrami, R. Mason, M. De La Torre. Los Angeles: The Getty Conservation Institute, 2000. P. 59—64.
20. Pruijt H. The impact of citizens' protest on city planning in Amsterdam // Cultural Heritage and the Historic Inner City of Amsterdam. Amsterdam: Aksant, 2004. P. 228—244.
21. Rymaszewski B. O przetrwanie dawnych miast. Warszawa: Arkady, 1984. 220 s.
22. Rypkema D. Economics of Historic Preservation: A Community Leader`s Guide. Washington: The National Trust for Historic Preservation, 2005. 124 p.
23. Tilden F. Interpreting our Heritage. North Carolina: The University of North Carolina Press, 2007. 212 p.

Приложение

Методика подготовки и проведения исследовательских экспедиций

Задание на подготовку к экспедиции:

1. Краткий обзор истории замка и населенного пункта, характеристика его историко-культурного ландшафта.
2. Текущее социально-экономическое положение населенного пункта.
3. Характер и особенности проекта реновации замка и его окружения, история развития и критика проекта.
4. Образ замка в национальном и региональном медиа-пространстве.

Задание на экспедицию (пункты распределяются между участниками):

1. Общее впечатление, текущее состояние и перспективы развития культурного ландшафта, окружающего замок (степень благоустройства, сценарии использования окружающего замок пространства, количество людей, посещающих замок с различными целями в течении всего дня, определение наиболее вероятных/желаемых перспектив развития культурного ландшафта).
2. Характеристика туристического потенциала, степень развития сопутствующей инфраструктуры, определение перспективных инвестиционных проектов, помимо самого замка.
3. Исследование текущего состояния замка, качества реставрационных работ (визуальная оценка, описание стилистики, этоса реставрационного намерения, впечатление).
4. Определение степени вовлечения местных жителей в функционирование замка, участия в его судьбе, заинтересованности в таком участии, определение наличия сообществ и их позиций по отношению к замку, характер взаимодействия с администрацией сообществ и активистов.
5. Выяснение позиции местной администрации в отношении замка и связанных с ним сообществ, приоритетности реставрационных проектов перед иными, перспектив развития населенного пункта/региона.
6. Исследование ментального образа замка у местных жителей (представление о его роли в прошлом и настоящем населенного пункта и региона, связь личных жизненных стратегий с замком или развитием туризма в целом), их представления о стратегиях реновации замка и окружающего культурного ландшафта, выяснение мнения жителей о произошедших/происходящих/планируемых изменениях (библиотека, культурные учреждения, рядовые жители).
7. Исследование влияния местных сообществ на трансформацию наследия, а также конфликтов, возникавших в ходе реконструкции — связанных и не связанных с наследием (интервью с активистами, экскурсии вместе с активистами).

Список вопросов, подлежащий выяснению во время бесед с местными жителями/активистами:

1. Как Вы оцениваете культурный потенциал населенного пункта/региона/замка?

2. Какие, на Ваш взгляд, исторические эпохи необходимо выделить, подчеркнуть в облике замка и населенного пункта? Какие имена популяризируются или должны популяризироваться прежде всего?
3. Соответствуют ли произошедшие/планируемые преобразования Вашим ожиданиям?
4. Справляются ли реставраторы, занимавшиеся реконструкцией замка и окружающего культурного ландшафта, со своей работой? Хотелось ли бы Вам что-то изменить в их работе?
5. Что не было сделано по отношению к историко-культурному наследию населенного пункта? Почему?
6. Как изменился облик населенного пункта после начала реализации реставрационного проекта / инвестиционных проектов? Как именно он изменился? Помолодел? Постарел? Стал более европейским? Стал более русским / белорусским? Какова стилистика преобразований?
7. Каково восприятие населенного пункта туристами? Как Вы считаете, туристы и Вы одинаково воспринимаете замок и культурный ландшафт? В чем ошибаются туристы? Что им хотелось бы объяснить?
8. Что самое главное в реконструированных историко-культурных объектах? (добейтесь, чтобы респондент назвал хотя бы 3 позиции).
9. Как произошедшие перемены влияют на изменение привычек местных жителей? Новые места встречи, новые темы для обсуждения, новые свадебные (или другие) ритуалы?
10. Стало ли комфортнее жить в городе? Удалось ли остановить или хотя бы затормозить отток молодежи?
11. На Ваш взгляд, какие цели преследовались при проведении ремонтных/реставрационных работ (можно на конкретных примерах) и были ли они достигнуты? Какие цели были у руководства области/города? Какие цели были у жителей? Какие цели были у историков? Принимали ли участие другие группы?
12. Кто был больше всех доволен / будет доволен реконструкцией/реставрацией и ее результатами (старайтесь добиться перечисления не менее 3-х групп)? Кто больше всех недоволен?
13. Возникали ли во время реконструкции/реставрации конфликты? Отдельно — конфликты по поводу преобразования объектов историко-культурного наследия. Есть ли положительные примеры сотрудничества власти с общественными объединениями/активистами?
14. Как сами жители принимали участие в реконструкции?
15. На Ваш взгляд, всегда ли информация о планируемой реконструкции была известна общественности заблаговременно, надо ли рассказывать про реконструкцию заранее или лучше делать приятные сюрпризы? Были ли у жителей возможности влиять на планирование работ? Кто вообще мог на них влиять?
16. Считаете ли Вы целесообразным выделение большего количества средств на такую реконструкцию/реставрацию или стоило бы вложить их в выплату зарплат, решение жилищного вопроса, строительство предприятий и т.д.?

EUROBELARUS

МІЖНАРОДНЫ
КАНСОРЦЫЮМ

WWW.EUROBELARUS.INFO